СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РФ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.8
EDN: IRPPZF

Постаграрность: альтернативная перспектива для сельских территорий Центральной России[1]

Ссылка для цитирования: *Покровский Н. Е, Шилова В. А., Бучацкий А. Г.* Постаграрность: альтернативная перспектива для сельских территорий Центральной России // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 1. С. 156–182. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.8; EDN: IRPPZF.
For citation: Pokrovsky N. E., Shilova V. A., Buchatskii A. G. Post-Agrarianism: An Alternative Perspective for Rural Territories of Central Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 156–182. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.8; EDN: IRPPZF.

SPIN-код: 7255-2673

Покровский Никита Евгеньевич[1,2]

[1]НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
[2]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

npokrovsky@hse.ru

SPIN-код: 8158-6002

Шилова Валентина Александровна[1,2]

[1]НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
[2]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

vshilova@yandex.ru

SPIN-код: 7797-7973

Бучацкий Арсений Георгиевич[1]

[1]НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

abuchatskii@hse.ru

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализуемого на базе НИУ ВШЭ проекта № 24-68-00055.

Аннотация. В данной статье представлено теоретическое обоснование концепции постаграрности как перспективной оптики для анализа современного состояния и потенциала развития сельских территорий Центральной России. Авторы исходят из того, что российское село переживает глубокую многоаспектную трансформацию, связанную с замещением традиционного трудозатратного сельского хозяйства высокотехнологичными агрохолдингами, сжатием аграрной занятости, депопуляцией и старением сельского населения, а также с возникновением новых несельскохозяйственных форм использования внегородских пространств.

В работе систематизированы ключевые теоретические подходы к изучению постаграрных изменений, сложившиеся в отечественной и зарубежной науке, включая концепции «нового крестьянства», руральности, дезурбанизации и гибридных сельско-городских сообществ. Особое внимание уделяется аналитическому потенциалу «матрицы Покровского», разработанной в рамках многолетних исследований Угорского проекта. Матрица выделяет шесть факторов (экологическая предпочтительность, ландшафтная насыщенность, историко-культурная укорененность, наличие местного населения, транспортная доступность, устойчивые инфокоммуникации), сочетание которых позволяет оценить степень выраженности постаграрных процессов в конкретных локальностях.

Эмпирическую базу статьи составляют материалы полевых экспедиций 2024–2025 гг., проведенных в Городецком районе Нижегородской области, Белевском районе Тульской области, Бабаевском районе Вологодской области и Козельском районе Калужской области. В ходе исследований зафиксированы разнообразные постаграрные практики.

Авторы приходят к выводу, что постаграрность выступает конструктивной теоретико-методологической рамкой, позволяющей интегрировать социальные, экономические, культурные и экологические аспекты развития сельских территорий в единый аналитический проект. В отличие от узкоотраслевых подходов, ориентированных исключительно на эффективность сельскохозяйственного производства, постаграрная оптика делает видимыми такие феномены, как экологическая реабилитация ландшафтов, развитие рекреационной и туристической инфраструктуры, формирование гибридных сообществ из местных жителей и горожан-дезурбанизантов, а также коммеморативные практики, связанные с историко-культурным наследием. Применение этой оптики открывает возможности для выявления скрытых драйверов развития, оценки эффектов реализуемых государственных и частных инициатив, а также для обоснования междисциплинарных исследований российского села в условиях его перехода к новому «агрегатному состоянию».

Ключевые слова: социология, постаграрность, руральность, урбанизация, центробежная миграция, кризис села, проблемы российского села, потенциал развития российского села, сельское предпринимательство, агротуризм

Постановка исследовательской проблемы

В отечественной и мировой научной и околонаучной литературе последних лет все чаще встречаются упоминания концепта «постаграрность» («постаграрианизм», postagrarianism) и его различных инвариантов. К числу близких, скорее, сопрягающихся понятий относятся относят «постуралистм» («постсельскость»). Более отдаленные, но, тем не менее, принадлежащие к близкой области смыслов понятия – дезурбанизация, контрурбанизация, возвратная (центробежная) миграция

с акцентом на процессы переезда горожан в сельскую местность с особым набором экономических социальных ценностей и практик. В целом речь идет об исследованиях двух трендов трансформации сельских территорий и сообществ: 1) обратной миграции городского населения в сельскую местность с возникновением нового сельско-городского уклада жизни с доминированием ценностей экологии и рекреации; 2) возникновения новых – несельскохозяйственных – форм использования земельно-территориальных, эколого-ландшафтных и социокультурных ресурсов внегородских территорий. Постаграрность в качестве обобщающего термина органично входит в систему этой теоретической матрицы для описания соответствующих ей социоэкономических трендов наших дней.

Российское село: переход в новое агрегатное состояние

Сегодня сложно отрицать, что российское село переживает глубокую многоаспектную трансформацию, связанную не только с переходом в 1990-х гг. от «советской» модели хозяйства к рыночной [2], что оказалось крайне болезненным именно для села с его опорой на помощь государства и слабым развитием кредитно-денежных отношений. Важнейшим фактором последних изменений стало происходящее на наших глазах замещение прежней экстенсивной трудозатратной модели сельского хозяйства, предполагающей высокую вовлеченность в процесс производства сельских работников при относительно низкой продуктивности производства, – новой высокотехнологизированной трудосберегающей модели, основанной на новейших технологиях растениеводства и выращивания скота, использования высокопродуктивных пород, автоматизированных процедурах, что предполагает использование высококвалифицированной рабочей силы, а также предельную концентрацию сельскохозяйственного производства (агрохолдинги). Как показали исследования социальных и экономических географов – Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой, А. В.Стариковой и др. – эти тенденции имеют объективный и долговременный характер [1; 18; 14; 12; 15; 26; 27; 24; 17; 20; 11; 41].

Сжатие очагов активного сельского хозяйства и сокращение рабочих мест на селе инициирует и поддерживает центростремительную миграцию сельских жителей в города в поисках работы, широкое распространение «отходничества», и в итоге создают парадоксальную ситуацию одновременной избыточности и недостатка рабочих рук (особенно высокой квалификации) на селе. [10]. К этим факторам добавляются негативные демографические тенденции, связанные не только с отъездом молодежи и людей трудоспособного возраста в города, но и с высокой смертностью мужского сельского населения в трудоспособных возрастах, что во многом связано с негативными паттернами здоровьесберегающего поведения (алкоголизм), в итоге стремительным старением и одновременной «феминизацией» сельского населения (более 25–30% пожилого населения, среди которого преобладают женщины-пенсионерки) [7; 4; 5].

Внегородские территории Центральной России, таким образом, меняют свою традиционную и (что особенно важно!) исторически сложившуюся социально-экономическую структуру. На место густой сети сельских поселений (сел и деревень), унаследованной с давних феодально-помещичьих времен и сохраненной при советском колхозном строе, медленно, порой мучительно, но неуклонно приходит некая новая реальность, опирающаяся на рыночную экономику с ее доминантой прибыли и оптимизации. Это в свою очередь приводит к изменению как поселенческой структуры территорий (обезлюдение территорий, исчезновение многих деревень), так и соответствующего свертывания традиционного слабомеханизированного сельскохозяйственного производства на этих территориях [25; 13; 36].

Более предметно и на долгую перспективу ситуация складывается следующим образом. Традиционное сельское хозяйство и столь же традиционная география сельских населенных пунктов находятся в весьма сложном состоянии. Это характерно для Центра Европейской части России, особенно региона так называемого «Ближнего Севера» (Костромская, Ярославская, Вологодская, Нижегородская, север Тверской, юг Архангельской областей). Крупное товарное сельскохозяйственное производство, как раз и составляющее основу современной экономики, по преимуществу переходит к отдельным (и не столь многочисленным!) агрохолдингам, работающим в режиме высокой технологичности и эффективности. Но при этом агрохолдинги нуждаются в рабочей силе с особыми характеристиками: либо требуют технического кадрового контингента высокой степени подготовленности, готовой работать со сложной техникой, либо в систематически работающих на тяжелых работах организованными группами (как правило, мигрантов). Местные сообщества в большинстве случаев не могут включаться в работу агрохолдингов, оставаясь, по сути, на обочине процесса трансформации. Это только усиливает процесс социальной «вакуумизации» сельских территорий, даже имеющих по близости крупные сельхозпредприятия.

И тогда встает принципиальный вопрос: что будет происходить в ближайшем и отдаленном будущем с этими территориями. Ответов может быть как минимум два: либо будет происходить дальнейшее опустынивание, либо начнется некая новая социально-экономическая и социокультурная трансформация, отвечающая потребностям и ожиданиям современного российского общества и возвращающая жизнь на эти территории.

Как показывают статистические данные, деструктивные тенденции в развитии сельских сообществ только усиливаются, включая рост центростремительной миграции жителей сел и показатели депопуляции населенных пунктов. При этом товарное сельскохозяйственное производство в основном переходит к аргохолдингам, которые благодаря свой современной технологической оснащенности привлекают минимум рабочей силы в основном высокообразованных технических кадров, часто ввозимых извне, в том числе из городов, в формате вахтовой занятости. Это в свою очередь резко снижает занятость местного населения в работе агрохолдингов. Таким образом, агрохолдинги фактически оказываются не связанными с местными сообществами. Надо учесть, что это не тотальная

картина, характерная для всего и вся, но она практически становится доминирующей в регионе ЦФО, СЗФО и на Ближнем Севере РФ в целом. Юг и Черноземье РФ развиваются в несколько ином формате – благодаря плодородности почв и высокой продуктивности сельского хозяйства, здесь конкурентоспособными оказываются и средние и даже мелкие фермерские хозяйства; однако даже для этих территорий характерна депопуляция сельского населения и тенденция к концентрации производства [1; 12].

В данной статье рассматриваются реалии Центра и Ближнего Севера как наиболее экономически и социально уязвимых территорий. Возникающие зоны депопуляции и социального вакуума постепенно создают основу для постаграрных форм экономики. По большому счету, создаются объективные условия для постепенного и территориально выборочного замещения традиционного, чисто аграрного уклада различными формами постаграрности. Подчеркнем, что авторы отнюдь не стремятся утверждать, что указанный тренд тотально возобладает «здесь и сейчас». Наша задача состоит в том, чтобы обратить внимание на его возникновение и повышающуюся динамику и обосновать значимость ее исследования.

Важно учитывать, что на данном этапе, по мнению авторов, не следует впадать в крайность и рисовать картины всеобщего перехода сельских территорий в формат постаграрности. Во-первых, далеко не все территории обладают потенциалом для развития этого уклада. И, во-вторых, по-прежнему сохраняются территории, функционирующие в традиционном сельскохозяйственном режиме. И, тем не менее, приход нового уклада все явственнее заявляет о себе. Это требует от социологов и специалистов смежных специальностей внимательного отслеживания процесса.

Из всего сказанного выше возникает важнейший вопрос, составляющий лейтмотив данной статьи, а именно: какова судьба и перспектива внегородских территорий, освобождающихся от своего преимущественно сельскохозяйственного назначения. Грозит ли нам тотальное опустошение, можно сказать, цивилизационная «вакуумизация» этих территорий, или же могут раскрыться новые горизонты экономического и социокультурного развития?

Проблемы российского села, такие как свертывание традиционной сельской экономики, депопуляция, недостаточность медицинской инфраструктуры и образовательных учреждений, сложности в развитии локального бизнеса, проблемы реализации туристического и иного потенциала территорий и многое другое находятся в настоящее время в фокусе многих проектов. Российское село становится объектом общероссийских программ развития, включая Национальные проекты России[1], и комплексных программ развития села[2], становятся ключевым элементом повестки заседаний и обсуждений в ведущих органах законодательной власти[3], темой научных

[1] Проекты национального развития // АНО «Национальные приоритеты». URL: http://национальныепроекты.рф/projects/ (дата обращения: 08.12.2024).

[2] Комплексное развитие сельских территорий // Правительство Российской Федерации. URL: https://government.ru/rugovclassifier/878/ (дата обращения: 08.12.2024).

[3] Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий: региональный аспект // Государственная Дума РФ. URL: http://duma.gov.ru/media/files/CkF3jQV9dCfde9uQ5W8jh5XUeP6x79e8.pdf (дата обращения: 08.12.2024).

конференций и специальных отчетов российских научно-аналитических центров[1] и специализированных исследовательских подразделений университетов[2]. Действительно, статистические данные подчеркивают отчетливо заметный круг проблем, свойственных сегодняшним сельским территориям в России: по данным Федерального собрания РФ, доля сельского населения в России снижается при анализе этого показателя как долгосрочного тренда[3], а доля работников агропромышленного комплекса, некогда ключевой отрасли российского села, стабильно сокращается[4]. Кроме этого, наблюдаются высокие темпы урбанизации – почти 75% россиян по состоянию на 2024 г. проживают в городах[5] – и стремительное «вымирание» российского села: по мнению специалистов, опирающихся на прежние источники и на данные последней переписи населения 2021 г., около 16% российских сел были заброшены [25]. Эти сведения подтверждают кризисное положение российского села и ставят перед академическим сообществом новые исследовательские и социальные вопросы, требующие решения.

Как представляется, сказанное явно указывает на необходимость отойти от рассмотрения потенциала развития российского села преимущественно с позиций его сельскохозяйственной экономической эффективности и интегрировать разрозненные подходы исследовательских областей в методологию комплексной оценки – необходимо как многомерное изучение потенциала достижения целей устойчивого развития конкретно дополнительно к сельскохозяйственной специализации для российского села, так и изучение его жизнедеятельности в постаграрных форматах на примере отдельных кейсов российских сельских ландшафтов.

Постаграрность. Актуальные тенденции и модели развития сельских территорий. Методологические аспекты

Достаточно радикальные изменения российского села сопровождаются и новыми для исследователей тенденциями, которые могут как положительно, так и отрицательно сказываться на качестве жизни села и потенциале его развития. Эти тенденции включают миграцию некоторых

---

[1] Бюллетень Счетной палаты РФ. Развитие сельских территорий // Счетная палата РФ. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/f52/f5210775b9aced5d69e783139dcd3c50.pdf (дата обращения: 08.12.2024).

[2] Центр устойчивого развития сельских территорий // РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева. URL: https://www.timacad.ru/about/struktura-universiteta/instituty/ipk/tsentr-ustoichivogo-razvitiia-selskikh-territori (дата обращения: 08.12.2024).

[3] Лимит сельской ипотеки в России могут увеличить вдвое // Парламентская газета. 27 июня 2023. URL: https://www.pnp.ru/economics/limit-selskoy-ipoteki-v-rossii-mogut-uvelichit-vdvoe.html (дата обращения: 08.12.2024).

[4] См.: Сельское хозяйство в России. 2023: Статистический сборник // Росстат. М., 2023. С. 17.

[5] Витрина статистических данных «Доля городского населения в общей численности населения на 1 января» // ФСГС. URL: https://www.showdata.gks.ru (дата обращения: 08.12.2024).

категорий населения из города в сельскую местность, образование сельских агломераций, развитие этно/экотуризма. Эти и многие другие процессы задают векторы, которые под влиянием перехода РФ к постиндустриальной экономике можно обобщенно назвать *постаграрной трансформацией российских сельских территорий*. Таким образом, смена характера производства российской экономики и жизненного уклада россиян на преимущественно урбанистический становится вызовом для российского села и провоцируют его трансформацию на разных уровнях социальной структуры, которая имеет комплексные социальные выражения и, на наш взгляд, требует подробного изучения социологией. Согласно нашему предположению, такая трансформация заставляет внегородские территории приобретать новый, постаграрный смысл – восприниматься не через призму аграрного производства и традиционного сельского жизненного уклада, а как потенциальной части новой системы экономических отношений, в которой российскому селу все еще предстоит найти новые смыслы своей жизнедеятельности и пути социальной интеграции. Это изменение представляется возможным достичь через активизацию функций экологизации, ландшафтотерапии, развития форм социальной жизни и социальных практик проживания на селе: восприятие сельских ландшафтов как устойчивых факторов повышения качества жизни, локусов экономики впечатлений, очагов сохранения фольклорного наследия и исторической памяти, экотуризма и др. [8; 16; 19; 20; 23; 22; 24].

Новой формой восприятия сельских территорий становится концепция постаграрности или, иначе, постаграрианизма (postagrarianism). Речь идет о том, что внегородские, прежде чисто сельские территории раскрывают свой социально-экономический и культурный потенциал в другом измерении по сравнению с традиционным. В список основных направлений концепции постаграрности, как представляется, входят такие позиции, так экологизация повседневных практик, оздоровительное воздействие сельских и природных ландшафтов, создание баз отдыха и санаторного лечения, различные формы рекреации, включая сельский и событийный туризм, развитие экологических поселений и дачных анклавов горожан, любительское и мелкомасштабное фермерство, развитие сети заповедников и национальных природных парков (ООПТ – особо охраняемые природные территории) с предоставлением услуг рекреации, разработкой природоохранных программ, оздоровительных спортивных баз и мероприятий, создание удаленных природных кампусов и учебных программ для городских университетов; как отдельное направление – сохранение и воспроизводство исторической и культурной памяти. Взятые в совокупности все эти и другие формы постаграрности фактически создают новую картину внегородских территорий, масштабы которой без преувеличения претендуют на новое видение перспектив развития многих внегородских пространств. Можно сказать, что город выходит за свои пределы, уходя на среднедальние и дальние дистанции, при этом приобретая новые стимулы и факторы своего развития в сочетании достижений технологического и социального прогресса с преимуществами природно-экологической среды.

Если обратиться к современному дискурсу о трансформации сельских территорий и социальных процессов на них, то обращает на себя внимание ряд концепций, так или иначе рассматривающих аспекты, связанные с тенденциями постаграрности. Понятие «новое крестьянство» («new peasantry», введенное изначального ван дер Плоэгом [46] и детально разбираемое, например, в исследовании 2016 г. Н. Монлор-и-Рико и А. Фуллера [40]) сфокусировано вокруг, в том числе, обратного направления мобильности: если ранее в академическом дискурсе доминировали нарративы оттока в город и урбанизации, то работы в рамках этого направления обращают внимание на обратную тенденцию. Это стратегии закрепления населения в сельской местности с целью приобретения автономии и устойчивости, возвратная миграция и формирование новой территориальной идентичности за счет осмысленного выбора сельского образа жизни. В рамках смежного собирательного направления исследований внимание также уделяется феномену так называемой «неооседлости» – осознанного закрепления населения в сельских территориях. Как результат ценностного выбора – предпочтения села городу – сельские пространства выступают как места реализации альтернативных жизненных стратегий и формирования новых форм территориальной идентичности, и это отмечают в конце 2000-х – начале 2010-х в своих работах К. Халфакри [34] и М. Вудс [47]. В продолжении этой идеи более общая агросоциальная парадигма, развиваемая с 2011 г. также Н. Монлор-и-Рико [39] и другими авторами, предлагает рассматривать трансформационные процессы через мотивацию и социальные отношения – точнее, включение их аграрной деятельности в более широкий контекст повседневных социальных отношений, исполнения нескольких ролей (включая роль занятого в аграрном хозяйстве). На более приближенном к макроанализу уровне найти теоретический компромисс между осмыслением внегородских территорий условными социологией села и социологией города пробует также и Х. Андерсен [30]. Зоны пространственной трансформации по Андерсену – это зоны конфликта интересов разных социальных групп, которые могут быть рассмотрены не в рамках этой теоретической бинарной оппозиции («город – село»), а как более органичные и соответствующие новым временам гибридные формы социальных сосуществований.

Однако, несмотря на заметный интегративный потенциал этих концепций, как представляется, объяснительной силы этих теоретических моделей недостаточно для рассмотрения процессов и трендов с учетом российской специфики. Необходим синтез разработанных в российской социологической и социогеографической науке концепций, разработанных в мировой социологии подходов, с целью осуществления перспективного анализа специфических российских процессов с учетом географической, социально-экономической и социокультурной региональной неоднородности.

Понятийно-категориальный аппарат концепции постаграрности

На основании проанализированных релевантных источников становится ясным, что термин «постаграрный» часто используется как собирательное обозначения периода, последующего за периодом активного сельскохозяйственного освоения той или иной территории с доминированием аграрной отрасли в производстве. Характеристики для обозначения данной тенденции и соответствующего периода в научной литературе до конца еще не институционализированы, как и методологический подход к его изучению. В ряде публикаций термин «постаграрный» используется по преимуществу для обозначения стадии развития природных экосистем на сельских территориях (например, [3]).

В российской научной литературе исследования, выполненные с использованием понятия постаграрности, крайне редки, и преимущественно имеют локальный фокус, то есть сосредоточены на анализе жизнедеятельности или оценке потенциала развития конкретных выбранных регионов [9; 29; 44]. Такие работы преимущественно выполнены в рамках экологических исследований или на стыке социальных наук (например, экономики и социальной географии) с компонентами биологического знания и его прикладными проявлениями в хозяйственной деятельности. При этом, в российской научной литературе присутствует работы, косвенно использующих концепт постаграрности – в своем исследовании А. Г. Махрова, Т. Г. Нефедова и А. И. Тревиш отмечают неуклонный тренд развития Московской области с явными элементами и зонами постиндустриального ландшафта, что открывает для этого региона перспективу постаграрной трансформации [9, с. 35] Анализ российских исследований несельскохозяйственного развития села заметно и значимо показывает отсутствие программных и обобщающих теоретических работ.

В целом, в зарубежных источниках концептуальная схема постаграрности за последние два десятилетия не ограничена исключительно перечнем территорий – исследования постаграрного развития посвящены как условно развивающимся странам [29; 31; 32; 37; 42], так и условно развитым странам [33; 35; 38; 43; 45]. Во многом отмечается направленность работ на описание и изучение локального потенциала развития в методологии индивидуальных case study. Однако в значительной мере наблюдается отсутствие программных работ, посвященных использованию постаграрности как потенциально масштабного тренда и перспективой эволюции социально-экономической системы.

Для иллюстрации применения концепции постаграрности и ее возможных результатов обратимся к нескольким примерам исследований, датированным разными годами на протяжении более чем двадцатилетнего периода, которые мы считаем значимыми для дискуссии о концепции постаграрности как теоретической концепции и исследовательского инструментария.

Так, исследование антрополога и исследователя в области сельской социологии из США С. Саламон [43], проведенное при помощи стратегии case study и в том числе методом интервью, посвящено анализу трех малых американских сообществ в штате Иллинойс, занимающих для автора на континууме постаграрной трансформации положение от аграрных сообществ до завершивших свою постаграрную трансформацию. Для автора такая трансформация обусловлена процессами субурбанизации [43, с. 1], джентрификации и индустриальных изменений [43, с. 12–14]. Такой авторский подход к классификации, на наш взгляд, предлагает один из ключевых принципов в исследовании постаграрных трансформаций села – возможности классифицировать их на основе выбранных метрик, характеризующих степень интеграции ландшафта с системой экономических отношений, и направленность изменений, определяющих жизненный уклад местного сообщества.

Особый акцент на протяжении изложения материала Саламон делает на символическом конструировании ландшафта – разнообразии форм ландшафта США, которое, по мнению автора, может выступать национальным ресурсом [43, с. 1][1]. Это обращает наше внимание на культурные аспекты проживания в сельском ландшафте. Здесь же важно отметить, что Саламон выделяет различные социальные группы, вовлеченные в социальное взаимодействие в жизни сообщества, например, молодежь, переезжающие семьи с детьми или индивидуальных застройщиков [11; 13; 43, с. 1], говоря об их интересах, потребностях, ценностях и смыслах, вкладываемых в проживание в контексте природного ландшафта. Это, по мнению Саламон, отсылает исследователя к необходимости изучения социального капитала при исследовании постаграрной трансформации сельских сообществ, которая всегда контекстуально обусловлена [43, с. 2]. Для Саламон характеристика «постаграрный ландшафт» применяется для «небольших городов, расположенных в продуктивном ландшафте, но организованных по приоритетам потребления; жители не имеют связей с соседями, вовлеченными в производственную деятельность» [43, с. 3]. Такой подход обращает наше внимание на ресурсность ландшафта и его инфраструктуры как характеристику и основание для отнесения к определенному типу постаграрных ландшафтов. Для автора такая постаграрная трансформация обусловлена появлением нового жизненного уклада, инфраструктурными изменениями, новым населяющими ландшафт группами. В итоге, получается, что постаграрность сельской местности находит свое отражение *в новой форме социальной связности* [43, с. 13] – разнородной социальной структурой населения и соответствующим ей старыми и новыми проявлениями социальности разными группами, в которой, однако, не наблюдается напряжения или конфликта, которые бы могли приводить к явной дезинтеграции разных групп населения локального сообщества. Такой тезис обращает наше внимание на необходимость исследования смыслов различных стейкхолдеров, участвующих в формировании социальной географии ландшафта.

[1] Это более чем релевантно и для ландшафтного ресурса российских внегородских территорий.

На культурные аспекты постаграрной трансформации в своем исследовании, проведенном в окрестностях бывшей звероферме в селе Михайловское Республике Карелия, также при помощи стратегии case study обратила внимание и российский культуролог и этнограф Т. Б. Щепанская [29]. Исследование, проведенное с использованием методов этнографической интерпретации ландшафта, визуального анализа и интервью [29, с. 109–110], предлагает более смещенный формат изучения субъективных факторов социальной жизни села и культурных проявлений его жизненного уклада. Такой взгляд выражает результаты применения оптики постаграрности конкретно к российским ландшафтам. Для автора постаграрность выражается в изменении структуры повседневности и дифференциации занятий городских жителей в контексте «сельскости». Автор определяет постаграрную трансформацию как «процесс ухода от доминирующей аграрной базы или возобновления или переопределения этой базы» [29, с. 110]. Причем этнографическое исследование Щепанской показывает, что постаграрная трансформация – процесс нелинейный: она может начинаться на самых разных стадиях развития территории [29, с. 111], а на фоне социально-экономических изменений может происходить реставрация некогда ставших архаичными институтов [29, с. 120], например – традиционных промыслов и связанных с ними особых культурных практик и материальных объектов. Таким образом, сложность и неоднозначность социальных процессов, сопровождающих постаграрную трансформацию, создают для нас потребность в использовании этнографических методов – наблюдении, анализе социальных взаимодействий, визуальном анализе.

Опубликованное в 2024 году исследование польских ученых, социальных географов П. Тобиаш-Лис и М. Вуйчика [45] демонстрирует разнообразие методологических подходов, которое может применяться в работах, задействующих категории оптики постаграрности. Подход авторов, основанный во многом на концепции производства пространства А. Лефевра, идее «спациальности» пространства [45, с. 8] и категории руральности [45, с. 7] и одновременно привлекающий категории неявного пространственного знания («tacit spatial knowledge») и локальности [45, с. 13]. Этот подход используется с целью оценки того, как жители сельских территорий воспринимают пространство в период постаграрных трансформаций [45, с. 7–8]. Для нас категория неявного пространственного знания служит доказательством необходимости уделить внимание восприятию пространства через локальные нарративы.

В своем исследовании авторы приходят к выводу, что плюрализм восприятия руральности и культуры сельской жизни [45, с. 13], как и сами формы жизненного уклада на селе могут быть разнообразны [45, с. 14], что связано с условиями как на региональном, так и на глобальном уровне. Авторы фиксируют у опрошенных в некоторых случаях исчезновение традиционного аграрного восприятия села его жителями, отрыв восприятия ландшафта от традиционных символических элементов, характерных для аграрного восприятия пространства [45, с. 11]. Как и в случае исследования Т. Б. Щепанской, авторы описывают интервью, в кото-

рых в зарисовки и их описание включались эмоции и памятные моменты для конкретного информанта и сельского сообщества в целом. Такое обстоятельство, на наш взгляд, обращает внимание на практики коммеморации, символы и смыслы как категории анализа исследований, выполненных в концепции постаграрности.

При этом, как подчеркивается, не только социальные, но и биологические категории, такие как биоразнообразие и его проявление, могут быть важны для восприятия жителями пространства: упомянутое авторами восприятие через биоразнообразие [45, с. 12] для нас подчеркивает необходимость привлечения областей естественнонаучного знания для составления полной картины постаграрных трансформаций ландшафтов.

Многие авторы отсылают нас к типу миграции, характеризуемому как миграция удобств и повышения качества жизни («aminity migration»). Тобиаш-Лис и Вуйчик отмечают, что возможны разные по своему характеру типы связи населенных пунктов с региональными центрами [45, с. 8]. Это дает авторам настоящей статьи возможность предположить, что характер этой связи может влиять на тип постаграрной трансформации и привлекает наше внимание к юридическим практикам и их эффектам в рамках применения политик развития аграрных ландшафтов. Таким образом сельская местность в силу складывающихся новых поселенческих характеристик приобретает какие-то совершенно новые очертания. Характер этой новизны и представляет собой чрезвычайно важный и увлекательный предмет для изучения, в том числе и на примере российских реалий.

Иное рассмотрение постаграрной трансформации через категории инклюзии и эксклюзии, порядок распределение ресурсов и анализ приоритизации групп населения в принципах социальных политик предлагает в своем обзорном эссе, посвященном кризисному постаграрному развитию Южной Африки, А. дю Туа [32]. Выбор такой концептуальной схемы анализа для А. дю Туа обоснован кругом проблем, с которыми к моменту прошлого десятилетия столкнулся регион Южной Африки после Апартеида – «застойной аграрной трансформации» («stalled agrarian transition»), выражающейся в сложности поиска рабочих мест вне аграрного сектора для неквалифицированных рабочих и новом характере рыночной и капиталистической экономики, которая снимает производственную нагрузку с сельских жителей и близким к ним категориям населения и не позволяет им реализовать инициативы малого предпринимательства [32, с. 1464–1465]. Однако при этом, дю Туа указывает, что в литературе сельские сообщества могут рассматриваться как сети инфраструктуры взаимоподдержки, пространства создания социальных связей, центры неформальной занятости и обеспечения ресурсами [32, с. 1464–1466], что привлекает наше внимание к изучению социального капитала в контексте неформальной стороны жизни сельских ландшафтов.

При этом дю Туа использует элементы культурного анализа, утверждая, что сельский ландшафт обладает символической ценностью, политической и идеологической значимостью – в нем разворачиваются процесс биополитической эксклюзии, основанный на расе, идентичности, чувстве

принадлежности [32, с. 1470–1471]. Исследование дю Туа включает, в том числе, связь гендера, социальной политики и принципов распределения ресурсов для жителей аграрных территорий, что говорит о возможности применения принципа интерсекционального анализа в рамках постаграрных исследований – нахождения в фокусе внимания сразу нескольких социальных статусов жителей села.

В российской социологии проблемы постаграрного развития сельских территорий в аспекте возрастания роли экологизации, рекреации и дезурбанизационных тенденций в течение нескольких десятилетий исследовались в рамках т. н. «Угорского проекта» и были обобщены в так называемой «Матрице Н. Е. Покровского» [13; 21].

По мнению Покровского, переформатирование поселенческой структуры прежде чисто сельскохозяйственных территорий будет идти по определенным направляющим траекториям, которые как раз и создадут новую географию зон освоения и заселения, а также предопределят постаграрные очаги экономики. Эти локусы постаграрности будут сочетаться и взаимодействовать друг с другом в различных пропорциях. В каких-то редких случаях они будут присутствовать в полном наборе компонентов. В других случаях можно наблюдать их сочетание в той или иной степени интенсивности. В других вариантах можно не наблюдать ни одного признака (индикатора) постаграрности. Таким образом формируется социологическая карта постаграрности: от зон высокой интенсивности до зон затухания и бесперспективности постаграрной экономики.

В сжатом виде «Матрица» постаграрности может быть представлена следующим образом.

1) Экологическая предпочтительность, чистота, природная сбалансированность территорий. 2) Ландшафтная насыщенность и привлекательность. Эстетика доминанта природной среды. 3) Привязка к истории и местам памяти различной степени погружения. 4) Наличие остаточного местного населения. 5) Транспортная доступность в круглогодичном режиме. 6) Покрытие территории устойчивыми инфокоммуникациями.

Предложенная и развития Н. Е. Покровским, а затем примененная выше соавторами аналитическая схема, сформированная на основе многолетних исследований в рамках Угорского проекта и последующих полевых экспедиций, может быть интерпретирована как эвристическая матрица оценки потенциала внегородских территорий, утрачивающих доминирующую аграрную специализацию. С точки зрения своей теоретической ценности, предлагаемая оптика позволяет выделить совокупность ключевых факторов, сочетание которых связано с возможностями формирования постаграрных форм жизнедеятельности. К их числу относятся: экологические характеристики территории и степень сохранности природной среды; ландшафтная выразительность и эстетическая насыщенность; укорененность в историко-культурном контексте и наличие символически значимых мест; присутствие местного населения как носителя локальных практик и знаний; транспортная доступность, обеспечивающая включенность территории в более широкие социально-экономические связи;

а также инфраструктурные условия, включая развитие современных средств коммуникации. Важно, что речь идет не о жестко фиксированном наборе показателей, а о более гибкой аналитической рамке, допускающей вариативность сочетаний и различную степень выраженности каждого из факторов в конкретных эмпирических случаях.

В рамках эмпирического применения матрицы Покровского особое значение приобретает феномен дачи, который в работах Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша и Л. М. Баскина [13; 17; 18; 21] рассматривается как одна из форм сезонной пространственной мобильности и взаимодействия городского и сельского образов жизни. Дачные практики, как показывают исследования, нередко концентрируются на территориях, обладающих благоприятными экологическими, ландшафтными характеристиками и определенной транспортной доступностью, а также связаны с исторически освоенными локальностями. В этом смысле дачные поселения могут рассматриваться как индикаторы востребованности тех или иных внегородских пространств и как один из механизмов их частичного включения в новые формы использования, выходящие за рамки собственно сельскохозяйственного производства. При этом дачная активность способна оказывать влияние на локальную инфраструктуру и социальную динамику, включая поддержание или трансформацию существующих практик, а в отдельных случаях – создавать предпосылки для более устойчивых форм присутствия населения.

Как итог, получается, что благодаря матрице Покровского, в зависимости от сочетания и степени выраженности указанных характеристик можно говорить о различной интенсивности постаграрных процессов – от вероятных локальных случаев, демонстрирующих признаки диверсификации функций и роста внеаграрной активности, до территорий, где подобные изменения выражены, возможно, сильнее.

Спецификой российских процессов, протекающих в сельских районах, выступает все повышающаяся роль горожан-дезурбанизантов, покупающих дома в деревне и сезонно или даже круглогодично переселяющихся в деревни. Как показываются исследования Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвичша, Н. Е. Покровского, В. И. Ильина, У. Г. Николаевой и других социологов и социальных географов, горожане все в большей степени становятся фактором позитивной трансформации села [6; 16].

На приведенных примерах мы видим, как исследования в логике постаграрности могут использовать самое разное сочетание методов – оценку экономической эффективности и продуктивности инфраструктуры (экономико-ориентированные подходы), case study, интервью, этнография, визуальный анализ, анализ нарратива (социально и культурно ориентированные подходы). Единицы анализа в рамках постаграрных исследований также могут значительно варьироваться в зависимости от целей и фокуса исследований: это как сообщества, социальные институты и процессы, элементы повседневности и юридические практики на макроуровне, так и ценности, смыслы жизни и деятельности, социальные и экономические практики, идентичности, которые могут быть рассмотрены как на индивидуальном, так и групповом уровне социальной структуры.

Как теоретическая концепция, постаграрность сельской местности также имеет гибкое и разнородное теоретическое наполнение – это, в том числе, использование категорий джентрификации, субурбанизации, руральности, типов миграции с точки зрения городских и сельских исследований, изучение, социального капитала, символические значения с точки зрения культурного анализа, типов социальной солидарности, социальных технологий, устойчивости функционирования сообществ, политики развития, социальное неравенство, инклюзии, эксклюзии и маргинализации с точки зрения структуралистских и конструктивистских социальных исследований, внимание к биополитике и биологической, экологической стороне ландшафта с точки зрения соединения социальных и естественных наук.

Полевые исследования постаграрности (2024–2025 гг.): от Нижегородской и Вологодской – до Тульской и Калужской областей

Теоретическая концептуализация, на наш взгляд, приобретает бóльшую убедительность в случае ее проекции на полевые исследования. Это и осуществляется по программе коллективного проекта РНФ (24-68-00055, рук. Н. Е. Покровский) «Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций», в котором принимают участие авторы статьи.

В августе–ноябре 2024 г. и августе 2025 г. исследовательским коллективом проекта в Городецком районе Нижегородской области и Белевском районе Тульской области было проведено сначала поисковое исследование для апробации инструментария, затем в Бабаевском районе Вологодской области и Козельском районе Калужской области прошел основной исследовательский этап по применению постаграрной оптики при изучении современных тенденций развития сельских территорий.

Выбор Городецкого и Белевского районов как кейса для проведения экспедиции был связан с поиском унифицированных и уникальных признаков исследуемых территорий. С одной стороны, нас заинтересовали типовые черты этих муниципальных образований – г. Городец (1152 г. основания) и г. Белев (1147 г. основания) – наличие глубоких исторических корней и установок на развитие туризма. Территории муниципалитетов имеют аграрное советское прошлое – с успешными колхозными и совхозными практиками, в постсоветский период практически разрушенными. В обоих муниципалитетах активные главы районов и открытая к диалогу команда управленцев. Развиваются локальные бренды «Белевская пастила» и «Городецкий пряник», приобретшие общероссийскую известность.

С другой стороны, для исследователей были важны и уникальные особенности – достаточно крупный по численности Городецкий район прилегает к Горьковскому водохранилищу и включен в сложившийся

туристический кластер [28]. На его территории расположена экологическая тропа «Копорье», сохранивший советские традиции СПК колхоз имени Куйбышева. Небольшой по численности населения Белевский район заинтересовал активным брендированием, связанным с производством белевской пастилы и выращиванием яблоневых садов, возрождением народных промыслов.

Бабаевский район Вологодской области уникален с точки зрения географического расположения и климатических условий: среди заболоченной местности находится около 200 озер, крупнейшие из которых – Пяжозеро, Линжозеро, Нажмозеро, через район проходит транспортная артерия, соединяющая Санкт-Петербург и Вологду, в северной части проживают вепсы – одна из коренных малочисленных народностей России; район относится к зоне рискованного земледелия. Козельский район Калужской области привлек наше внимание расположенными на его территории имеющим общеправославное значение монастырем «Оптина пустынь» и национальным природным парком «Угра».

Исследование носило эксплораторный характер, было направлено на анализ жизненного мира и системы ценностей сельских жителей в контексте усиления экологических приоритетов, изучалась роль промышленных предприятий и различных проектов в рамках постаграрного вектора трансформаций сельских сообществ, выявлялись новые практики, которые можно отнести к постаграрности.

В постановке исследовательских задач и разработке инструментария упор был сделан на уже упомянутой выше «Матрице Покровского».

В ходе экспедиций были выявлены следующие тренды, которые, на наш взгляд, носят массовый характер и заслуживают исследовательского внимания:

Повсеместное появление экотроп, как точек притяжения туристов, освоения территории, формирования природного ландшафта с элементами обустроенной инфраструктуры. Особенное внимание уделяется созданию и обустройству экотроп национальными природными парками и заповедниками. Возрождение популяции пятнистых оленей в Городецком районе Нижегородской области начатое в 2008 г. привело к созданию экотропы «Копорье», которая включает в себя посещение бобровых угодий, лосиных и кабаньих троп, а также вольера с пятнистыми оленями, является знаковом местом в области. Свои экотропы имеют национальные парки «Русский север» и «Угра». Экотропа «Чертово городище» (урочище) в национальном природном парке «Угра» располагается на холме, сложенном серыми кварцевыми песчаниками, возраст которых насчитывает приблизительно 350 миллионов лет. Урочище было образовано вследствие таяния ледника и омывается реками Черногрязка и Чертовская Песочня.

Создаются и частные экотропы, в Бабаевском районе известна экотропа «Санинские родники» в д. Шарапова Горка, созданная пенсионером, бывшим лесничим. Тропа связана со сказочным сюжетом, написанным создателем тропы, а на всем протяжении маршрута присутствуют деревянные изображения сказочных персонажей, которые придают ей уникальные черты.

Если рассматривать экотропы с позиции «Матрицы Покровского» [13; 17; 18; 21], то практически все ее составные элементы отражены в их формировании – экология, ландшафт, историческая привязка, местное население (или сотрудники национальных парков) и транспортная доступность.

Глубинные интервью с фермерами Городецкого и Козельского районов выявили ряд бизнес-стратегий, которые указывают на уход от простого производства сельской продукции к совмещению его с туристическим бизнесом. Один из респондентов рассказал историю о том, как он перешел от производства козьего молока к изготовлению сыров. В процессе поиска рынков сбыта вписался в структуру организованных в разных районах сельскохозяйственных ярмарок и локальных праздников, на которых сначала стал продавать сыры, затем продумал целую линейку сопровождающей продукции из русской печи – щи, похлебки, пироги и так далее, начал проектировать и возводить сами русские печи, расширив таким образом ассортимент товаров и услуг. На следующем этапе, скооперировавшись с туристическими агентствами, сумел организовать остановку автобусов с туристами в своей точке питания, а затем и развлечения (договорившись с гармонистом). На момент интервью у предпринимателя было построено 50 небольших домиков, позволяющих организовать остановку туристического автобуса на ночь. Другой респондент, также выстраивающий бизнес по разведению коз, сразу же начал с брендированной продукции из козьего молока – сыры, сгущенка, щербеты и так далее. Таким же образом встраивался в работу ярмарок и локальные праздники, на момент интервью договаривался с туристическими компаниями о включении его фермерского хозяйства в туристический маршрут.

Стратегию кооперации с туристическими агентствами выбирают и крупные предприятия сельскохозяйственной продукции, например ООО «Курцево» крупнейший производитель козьих сыров в России в свой дегустационный зал привозит автобусами туристов, путешествующих на крупных лайнерах по Горьковскому водохранилищу и останавливающихся в Городецком районе. Кроме дегустации сыров, туристам предлагаются услуги конного клуба. Сыроварня «Иван да Марья» в Козельском районе выступает организатором гастро фестиваля «Как сыр в масле», также организует дегустации сыров и создает креативные пространства для отдыха.

Аналогичная стратегия перехода к совмещению производства продукции, предоставления услуг и кооперации с туристическим бизнесом была нами зафиксирована в отрасли медовиков. Несколько респондентов – пасечников рассказали об опыте строительства апи-домиков (домики, встроенные в экосистему ульев, обладающие лечебным эффектом). Такие стратегии перехода от простого производства меда к расширению ассортимента товаров на основе продуктов жизнедеятельности пчел и строительству апи-домиков с целью привлечения туристов зафиксированы нами в разных районах. На основе кооперации с турагентствами,

туроператорами, экскурсоводами пасечниками достигаются договоренности о точках туристических маршрутов, с дегустацией меда, медовухи, продажей продуктов и процедур народной медицины.

В Бабаевском районе пятнистые олени были завезены частным предпринимателем (обслуживающим лесозаготовки) на огороженную территорию с целью организации туристического бизнеса, строительства гостиницы и медицинского центра, основанного на использовании полезных свойствах рогов оленей (пантов).

В Городецком районе частным предпринимателем в с. Бриляково, недалеко от Горьковского водохранилища, построен пансионат для пожилых людей.

Еще один вариант использования сельских территорий – это создание частных парков, так «Сказочное подворье» в Козельском районе, которое начиналось с украшения собственного дома частным предпринимателем, разрослось до парка развлечений «Вихляндия».

Одним из важных субъектов развития территорий являются национальные парки, в ходе исследования нами были зафиксированы стратегии управления территориями и выстраивания взаимодействия с местными жителями и туристами национальным парком «Русский север» и национальным природным парком «Угра». На территориях парков созданы визит-центры, где туристам предоставляется широкий спектр информации о жизнедеятельности территории: от биологического разнообразия, экологических, экономических особенностей до исторических фактов. В визит-центре можно получить информацию о туристических маршрутах, оборудованных местах для остановок, глэмпингах, кемпингах, гостевых домах, речных маршрутах, правилах нахождения на территории. Здесь же можно договориться о сопровождении при прохождении маршрута и зафиксировать группу.

Подводя итог поискового исследования, необходимо отметить, что теоретическая интерпретация «постаграрных практик» и сам концепт «постаграрности» позволили по-новому взглянуть на повседневность сельской жизни в российских регионах и наметившиеся тренды территориального развития. Становится все более и более очевидным, что отдельные и, казалось бы, чисто локальные инициативы, выходящие за рамки сельского уклада, обнаруживают некую внутреннюю логику появления и развития, а также своего рода социальную «энергетику». За энтузиазмом одиночек и локальных групп начинают возникать очертания чего-то существенно большего, вписывающегося в рамки постаграрного уклада. Чисто идеально-эмоциональная мотивация энтузиастов этих инициатив и примеров все больше и большое перерастает в логику экономической целесообразности. А сочетание того и другого как раз и служит доказательством перспективности этого тренда в целом.

Сейчас происходит масштабирование и рост вариативности туристических практик, вхождение в туристический бизнес, как крупных производств, фермерских хозяйств, так и отдельных предпринимателей с рас-

ширенным ассортиментом «гастрономических сувениров». Формируется кластер негосударственной медицины и частных пансионатов для людей старшего возраста.

На территориях национальных парков и заповедников создаются экологические зоны с особыми правилами пребывания, предназначенные для рекреации и активного отдыха, привлекательные для туристов своей обустроенностью и безопасностью.

Наметилось объединение вокруг туристических маршрутов разных агентов бизнеса: туроператоров, перевозчиков, производителей сувенирной и агропродукции, представителей гостиничного бизнеса, собственников частных гостевых домов и кемпингов, людей творческих профессий. На территориях национальных парков формируются и обустраиваются экотропы, организовываются специально оборудованные стоянки с глэмпингами и кэмпингами.

Заключение

Постаграрное развитие как теоретическая концепция и направление практических исследований – это сложная и гибкая совокупность исследовательских векторов, направленная на комплексную оценку состояния сельских местностей и их потенциала развития с точки зрения различных сторон социально-экономической жизни села. Ценность постаграрности как теоретической концепции, на наш взгляд, состоит в комбинации областей знания, междисциплинарном подходе. Новизна представленного теоретико-эмпирического исследования состоит в попытке обобщения подходов к исследованию постаграрных трансформаций в России и мире и описания потенциала использования эмпирических данных, собранных с опорой на обобщенную и описанную нами теоретико-социальную модель. Фактически речь идет о достаточно радикальном изменении восприятия территорий с точки зрения их использования нынешними и грядущими поколениями.

Анализ литературы, научных концепций, с одной стороны, и пилотные полевые исследования, с другой, демонстрируют разнообразие применяемого к анализу процессов на микро- и макроуровнях инструментария и возможные сочетания концептуального аппарата социально-экономических и естественных наук и связанных с ними различных областей анализа. К этим областям относятся, например, социальные, культурные, экономические, политические аспекты жизни села, особенности состояния природного ландшафта и его потенциального использования человеком. Таким образом, авторы считают, что применение схем на основе подобного сочетания может быть перспективно для разностороннего изучения специфики быта и потенциала развития российского села.

Сегодняшняя незавершенная дискуссия о теоретическом фундаменте и выборе методологии постаграрных исследований, при этом, как мы полагаем оставляет пространство для институционализации новых

категорий анализа в научном дискурсе о постаграрности. Этой задаче и связанным исследовательским вопросам будут посвящены следующие публикации нашего проекта.

Мы надеемся, что предложенная нами дискуссия о принципах реализации исследований постаграрности на российских эмпирических материалах послужит институционализации этого исследовательского подхода в российской научной социологической литературе и в прикладных исследовательских проектах, направленных на разработку политик развития современного российского села, оценку эффектов принимаемых мер и учет конкретных социальных обстоятельств, составляющие социально-экономические проблемы сельских жителей страны. Собираемые, в ходе реализации нашего проекта, данные могут быть потенциально использованы для создания региональных программ устойчивого развития с целью предотвращения депопуляции российского села и раскрытия его социального, экономического и культурного потенциала. По большому счету перед исследователями сейчас стоит вопрос, какие именно масштабные трансформации предстоят в будущем сельским территориям России, уходящим от своей традиционной сельскохозяйственной специализации.

Библиографический список

1. Аверкиева К. В. Изменения в аграрной занятости в российском Черноземье и Нечерноземье с начала 2000-х гг // Региональные исследования. 2017. № 4(58). С. 26–37. EDN: YQUEJF.

2. Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 83–94.

3. Атутова Ж. В. Постаграрная трансформация геосистем Тункинской котловины (Республика Бурятия) // Региональные геосистемы. 2019. № 43(3). С. 232–242. DOI: 10.18413/2075-4671-2019-43-3-232-242; EDN: QNUAGO.

4. Будажанаева М. Ц. Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 4. С. 612–628. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628; EDN: OGLBBV.

5. Вяльшина А. А. Распространение курения и употребления алкоголя среди сельского населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. Т. 67. № 5. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-5-8; EDN: FQFQEC.

6. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Сост. и науч. ред. В. И. Ильин, Н. Е. Покровский. М.: Универ. книга, 2016. 404 с.

7. Денисенко М. Б., Николаева У. Г. Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 70–81. EDN: VGMFSH.

8. Макшанчикова А. Ю., Никишин Е. А., Попов Д. С. Внегородские локальности: гибридизация «сельского» и «городского» в процессе миграции горожан в сельскую местность // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 61–70. DOI: 10.31857/S013216250007751-9; EDN: UZQOKP.

9. Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Московская область: территориальная структура постсоветских трансформаций // Известия РАН. Серия географическая. 2023. Т. 87. № 8. С. 1207–1223. DOI: 10.31857/S2587556623080113; EDN: WYVFXM.

10. Между домом… и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т. Г. Нефедова, К. В. Аверкиева, А. Г. Махрова. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

11. Муханова М. Н. Трансформация российского села в условиях цифровизации агропромышленного комплекса // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 4. С. 167–179. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-1; EDN: ZUZMSP.

12. Нефедова Т. Г. Трансформация сельского хозяйства России и проблемы трудовых ресурсов в сельской местности // Экономические и социальные проблемы России. 2025. № 2(62). С. 137–155. DOI: 10.31249/esprr/2025.02.07; EDN: UAFVIW.

13. Нефедова Т. Г., Баскин Л. М., Покровский Н. Е. Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250016852-0; EDN: HFSDMR.

14. Нефедова Т. Г., Медведев А. А. Сжатие освоенного пространства в центральной части Европейской России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 5. С. 645–659. DOI: 10.31857/S258755662005012X; EDN: BFSDZN.

15. Нефедова Т. Г., Николаева У. Г. Современное подсобное хозяйство селян и горожан: историческая динамика, функции, пространственные различия // Население и экономика. 2019. Т. 3. № 1. С. 95–111. DOI: 10.3897/popecon.3.e34903.

16. Нефедова Т. Г., Николаева У. Г., Покровский Н. Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 52–61. EDN: XGVSGZ.

17. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация // Региональные исследования. 2017. № 2(56). С. 12–23. EDN: ZDREZZ.

18. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Поляризация и сжатие освоенного пространства в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138; EDN: EDN KXQEAW.

19. Никулин А. М., Покровский Н. Е. Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 2. С. 140–158. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158; EDN: EFEFFF.

20. Ойкумена Ближнего Севера России / Отв. ред. Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова. М.: Университетская книга, 2016. 264 с.

21. Покровский Н. Е. Перспективы российского Севера: сельские сообщества // Мир России. Социология. Этнология. 2008. Т. 17. № 4. С. 111–134.

22. Покровский Н. Е., Никишин Е. А., Макшанчикова А. Ю. Что после города? Перспективы сельско-городского жизненного пути // Человек. 2022. Т. 33. № 5. С. 44–62. DOI: 10.31857/S023620070022791-7; EDN: FXANJQ.

23. Покровский Н. Е., Николаева У. Г., Демидова Ю. А. Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 71–80. DOI: 10.31857/S013216250007752-0; EDN: MNOUDI.

24. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Сост. и под ред. Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. 200 с.

25. Румянцев И. Н., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Московского университета. Сер.: География. 2019. № 1. С. 29–27. EDN: YZNKWT.

26. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / Отв. ред. Т. Г. Нефедова, А. В. Старикова. М.: КМК, 2021. 379 с.

27. Узун В. Я., Шагайда Н. И. и др. Холдингизация агробизнеса России. М.: ДЕЛО, 2022. 344 с.

28. Шилова В. А., Быков К. В. и др. Практики организации сельского туризма в контексте постаграрного вектора развития внегородских территорий на примере Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 262–277. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-7; EDN: XVNUXC.

29. Щепанская Т. Б. К динамике постаграрности: ресайклинг сельской зверофермы в Республике Карелии // Словесность и история. 2021. № 2. С. 108–124. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-2-108-124; EDN: RZGUTV.

30. Andersen H. T., Møller-Jensen L., Engelstoft S. The End of Urbanization? Towards a New Urban Concept or Rethinking Urbanization // European Planning Studies. 2011. No. 4(19). P. 595–611. DOI: 10.1080/09654313.2011.548472.

31. Colloredo-Mansfeld R., Ordo ez A. et. al. Conflicts, Territories, and the Institutionalization of Post-Agrarian Economies on an Expanding Tourist Frontier in Quilotoa, Ecuador // World Development. 2018. Vol. 101. P. 441–452. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.11.001

32. Du Toit A. Post Agrarian Biopolitics // Development and Change. 2017. No. 6(48). P. 1464–1477. DOI: 10.1111/dech.12350.

33. Duck L. A. Postsouthern and (Increasingly) Post-Agrarian // Contemporary Literature. 2006. No. 2(47). P. 299–303.

34. Halfacree K. Heterolocal Identities? Counter Urbanisation, Second Homes, and Rural Consumption in the Era of Mobilities // Population, Space and Place. 2012. No. 2(18). P. 209–224. DOI: 10.1002/psp.665.

35. Hisano S., Akitsu M., McGreevy S. R. Revitalising rurality under the neoliberal transformation of agriculture: Experiences of re-agrarianisation in Japan // Journal of Rural Studies. 2018. Vol. 61. P. 290–301. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.01.013.

36. Ioffe G., Nefedova T., Kirsten D. B. Land Abandonment in Russia // Eurasian Geography and Economics. 2012. Vol. 53. No. 4. P. 527–549. DOI: 10.2747/1539-7216.53.4.527.

37. Lyall A., Colloredo-Mansfeld R. The evolving force of community: peasant uprisings and post-agrarian aspirations in Ecuador // The Journal of Peasant Studies. 2024. No. 7(51). P. 1606–1625. DOI: 10.1080/03066150.2024.2304799.

38. Miller J. W. A Post-Agrarian Regionalism for Appalachia // Appalachian Heritage. 2014. No. 2(8). P. 58–71. DOI: 10.1353/aph.1980.0060.

39. Monllor Rico N. Explorant la jove pagesia: camins, pràctiques i actituds en el marc d'un nou paradigma agrosocial. Estudi comparatiu entre el sud-oest de la província d'Ontario i les comarques gironines. Girona: Universitat de Girona, 2011. 440 p.

40. Monllor Rico N., Fuller A. M. Newcomers to farming: towards a new rurality in Europe // Documents d'An lisi Geogr fica. 2016. No. 3(62). P. 531–551. DOI: 10.5565/rev/dag.376.

41. Nefedova T. G., Treivish A. I. Old-Developed Regions of Russia: The Main Evolutionary Outcomes // Reg. Res. Russ. 2022. Vol. 12. No. S1. P. 218–225. DOI: 10.1134/S2079970522700411.

42. Rinck J. Speculative Futures: Migration, Real Estate, and Post-Agrarian Imaginaries in Nepal. American Anthropological Association, 2022. 23 p. DOI: 10.48448/hvrk-v966.

43. Salamon S. From Hometown to Nontown: Rural Community Effects of Suburbanization // Rural Sociology. 2003. No. 1(68). P. 1–24. DOI: 10.1111/j.1549-0831.2003.tb00126.x.

44. Sizykh A., Voronin V., Gritsenyuk A., Shekhovtsov A. Forests Formation on Post-Agrarian Territories of Tunka Depression (South-Western Pre-Baikal, Russia) // IJEES. 2020. No. 2(10). P. 409–420. DOI: 10.31407/ijees10.222.

45. Tobiasz-Lis P., Wójcik M. Tacit knowledge of places. Experiences from the post-agrarian countryside // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2024. No. 63. P. 8–16. DOI: 10.12775/bgss-2024-0001.

46. van der Ploeg J. D. The new peasantries: struggles for autonomy and sustainability in an era of empire and globalization. L.: Earthscan, 2009. 356 p.

47. Woods M. Rural. London: Routledge, 2011. 336 p.

Получено редакцией: 25.10.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Покровский Никита Евгеньевич, доктор социологических наук, профессор Факультета социальных наук, заведующий кафедрой общей социологии; главный научный сотрудник

Шилова Валентина Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Департамента социологии Факультета социальных наук; ведущий научный сотрудник

Арсений Георгиевич Бучацкий, стажер-исследователь Департамента социологии Факультета социальных наук и Международной лаборатории исследований социальной интеграции Факультета социальных наук

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.8

Prostagrarianism: An Alternative Perspective For Rural Territories of Central Russia[1]

Nikita E. Pokrovsky

HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
npokrovsky@hse.ru
ORCID: 0000-0003-4361-2333

Valentina A. Shilova

HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
vshilova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8899-2707

Arsenii G. Buchatskii

HSE University, Moscow, Russia
abuchatskii@hse.ru
ORCID: 0009-0009-9844-1843

For citation: Pokrovsky N. E., Shilova V. A., Buchatskii A. G. Prostagrarianism: an alternative perspective for rural territories of Central Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 156–182. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.8; EDN: IRPPZF

Abstract. This article provides a theoretical justification for the concept of post-agrarianism as a promising analytical framework for analyzing the current state and development potential of rural territories in Central Russia. The authors argue that the Russian countryside is undergoing a profound, multifaceted transformation involving the replacement of traditional labor-intensive agriculture with high-tech agricultural holdings, the contraction of agricultural employment, depopulation and aging of the rural population, and the emergence of new non-agricultural forms of using non-urban spaces.

[1] **Acknowledgements.** The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-68-00055 implemented at the NRU HSE.

The paper systematizes key theoretical approaches to studying post-agrarian changes developed in Russian and international scholarship, including concepts of the "new peasantry," rurality, de-urbanization, and hybrid rural-urban communities. Special attention is paid to the analytical potential of the "Pokrovsky Matrix," developed within the framework of the long-term Ugra Project. The Matrix identifies six factors (environmental preference, landscape richness, historical-cultural rootedness, presence of local population, transport accessibility, and stable infocommunications), the combination of which allows for assessing the degree of post-agrarian processes in specific localities.

The empirical basis of the article consists of materials from field expeditions conducted in 2024–2025 in the Gorodetsky District of the Nizhny Novgorod Region, Belevsky District of the Tula Region, Babaevsky District of the Vologda Region, and Kozelsky District of the Kaluga Region. The research documented diverse post-agrarian practices: the creation of eco-trails and development of tourist infrastructure by national parks and private initiatives, diversification of farms toward agritourism and gastronomic branding, formation of private guesthouses and amusement parks, and cooperation between local entrepreneurs and travel agencies. The authors conclude that post-agrarianism serves as a constructive theoretical-methodological framework allowing for the integration of social, economic, cultural, and environmental aspects of rural development into a single analytical project. In contrast to narrowly sectoral approaches focused exclusively on the efficiency of agricultural production, the post-agrarian lens makes visible phenomena such as the ecological rehabilitation of landscapes, the development of recreational and tourist infrastructure, the formation of hybrid communities of local residents and de-urbanizing urbanites, as well as commemorative practices linked to historical and cultural heritage. The application of this lens opens up possibilities for identifying hidden drivers of development, assessing the effects of implemented state and private initiatives, and substantiating interdisciplinary research on the Russian countryside during its transition to a new "aggregate state."

Keywords: sociology, post-agrarianism, rurality, urbanization, centrifugal migration, rural crisis, problems of the Russian village, development potential of the Russian village, rural entrepreneurship, agrotourism

References

1. Averkieva K. V. Agricultural employment change in Blacksoil and Non-blacksoil zones of Russia since 2000-th years. *Regionalnye issledovaniya*, 2017: 58: 4: 26–37 (in Russ.). EDN: YQUEJF.

2. Alekseev A. I., Zubarevich N. V. Krizis urbanizacii i selskaja mestnost' Rossii. In Migracija i urbanizacija v SNG i Baltii v 1990-e gg. [The crisis of urbanization and rural areas in Russia. In Migration and urbanization in the CIS and Baltic states in the 1990s]. Ed. by. Zh. A. Zajonchkovskoj. Moscow, 1999: 83–94 (in Russ).

3. Atutova J. V. Post-agrarian transformation of geosystems of the Tunkinskaya depression (republic of Buryatia). *Regionalnye geosistemy*, 2019: 43(3): 232–242 (in Russ). DOI: 10.18413/2075-4671-2019-43-3-232-242

4. Budazhanaeva M. Ts. Demographic Trends in Rural Areas of the Russian Federation. *Living Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2024: 20: 4: 612–628 (in Russ.). DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628; EDN: OGLBBV.

5. Vyalshina A. A. Prevalence of smoking and alcohol consumption among rural population in Russia. *Sotsialnye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 2021: 67: 5: 8 (in Russ.). DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-5-8; EDN: FQFQEC.

6. Citizens in the Village. Sociological Studies in the Russian Hinterland: De-urbanization and Rural-Urban Communities. Ed. by V. I. Ilyin, N. E. Pokrovsky. Moscow, Univer. kniga, 2016: 404 (in Russ.).

7. Denisenko M. B., Nikolaeva U. G. What happens to the rural population in the Russian Near North? (the case of Kostroma region). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 12: 70–81 (in Russ.). EDN: VGMFSH.

8. Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A., Popov D. S. Extra-urban Localities: Hybridization of 'Rural' and 'Urban' in the Process of Migration of Citizens to the Countryside. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 45: 12: 61–70 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007751-9; EDN: UZQOKP.

9. Makhrova A. G., Nefedova T. G., Treivish A. I. Moscow Oblast: Territorial Structure of Post-Soviet Transformations. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 2023: 87: 8: 1207–1223 (in Russ). DOI: 10.31857/S2587556623080113; EDN: WYVFXM.

10. Between home... and home. Return spatial mobility of the population of Russia. Ed. by T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova. Moscow, Novyy khronograf, 2016: 504 (in Russ.).

11. Mukhanova M. N. Transformation of the Russian village in the conditions of digitalization of the agro-industrial complex. *Nauchnyi rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2021: 7: 4: 167–179 (in Russ). DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-1; EDN: ZUZMSP.

12. Nefedova T. G. Transformation of agriculture and employment problems in rural areas. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii*, 2025: 62: 2: 137–155 (in Russ.). DOI: 10.31249/espr/2025.02.07; EDN: UAFVIW.

13. Nefedova T. G., Baskin L. M., Pokrovsky N. E. Evolution of Socio-Economic Space in the Local Rural Areas in the Remote Northern Russian (Case of the Manturovsky District of the Kostroma Region). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 12: 124–134 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250016852-0; EDN: HFSDMR.

14. Nefedova T. G., Medvedev A. A. Shrinkage of developed space in the central part of European Russia: population dynamics and land use in rural areas. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 2020: 84: 5: 645–659 (in Russ.). DOI: 10.31857/S258755662005012X; EDN: BFSDZN.

15. Nefedova T. G., Nikolaeva U. G. Modern personal subsidiary plots of villagers and townspeople: historical dynamics, functions, spatial differences. *Naselenie i ekonomika*, 2019: 3: 1: 95–111 (in Russ.). DOI: 10.3897/popecon.3.e34903.

16. Nefedova T. G., Nikolaeva U. G., Pokrovsky N. E. Intelligentsia in the space of non-urban Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 12: 52–61 (in Russ.). EDN: XGVSGZ.

17. Nefedova T. G., Treivish A. I. Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: trends, problems and possible solutions. *Demograficheskoe obozrenie*, 2020: 7: 2: 31–53 (in Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138; EDN: KXQEAW.

18. Nefedova T. G., Treyvish A. I. The transformation of settlement in modern Russia: urbanization or de-urbanization? *Regionalnye issledovaniya*, 2017: 56: 2: 12–23 (in Russ.). EDN: ZDREZZ.

19. Nikulin A. M., Pokrovsky N. E., There is and there will be territorial reformatting of rural spaces. *Krest'yanovedenie*, 2023: 8: 2: 140–158 (in Russ). DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158; EDN: EFEFFF.

20. Oikoumene of the Near North of Russia. Ed. by N. E. Pokrovsky, T. G. Nefedova. Moscow, Univer. kniga, 2016: 264 (in Russ.).

21. Pokrovsky N. E. Perspektivy rossiyskogo Severa: sel'skie soobshchestva [Prospects of the Russian North: rural communities]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2008: 17: 4: 111–134 (in Russ.). EDN: KBCNDP.

22. Pokrovsky N. E., Nikishin E. A., Makshanchikova A. Yu. What's After the City? Perspectives on the Rural-Urban Path of Life. *Chelovek*, 2022: 33: 5: 44–62 (in Russ.). DOI: 10.31857/S023620070022791-7; EDN: FXANJQ.

23. Pokrovsky N. E., Nikolaeva U. G., Demidova Ju. A. Phenomenology of the "Lifeworld" of Urbanites in the Extraurban Space in the Near North: the House and Domestication. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 12: 71–80 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007752-0; EDN: MNOUDI.

24. Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta [The Potential of the Near North: economy, ecology, rural settlements. On the 15th anniversary of the Ugorsky Project]. Ed. by N. E. Pokrovsky, T. G. Nefedova. Moscow, Logos, 2014: 200 (in Russ.).

25. Rumjancev I. N., Smirnova A. A., Tkachenko A. A. Rural settlements "without population" as a geographical and statistical phenomenon. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, 2019: 1: 29–37 (in Russ.). EDN: YZNKWT.

26. Old-developed regions in the space of Russia: history and modernity. Ed. by T. G. Nefedova, A. V. Starikova. Moscow, KMK, 2021: 379 (in Russ.).

27. Uzun V. Ya., Shagayda N. I. et. al. Holdingization of Russian agribusiness. Moscow, DELO, 2022: 344 (in Russ.).

28. Shilova V. A., Bykov K. V. et. al. Practices of organizing rural tourism in the context of the post-agrarian vector of development of extra-urban areas on the example of the Nizhny Novgorod region. *Nauchnyi rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2025: 11: 1: 262–277 (in Russ). DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-7; EDN: XVNUXC.

29. Shchepanskaia T. B. On the dynamics of post-agrarian development: the recycling of a rural fur farm in the Republic of Karelia. *Slovesnosti i istoriya*, 2021: 2: 108–124 (in Russ). DOI: 10.31860/2712-7591-2021-2-108-124; EDN: RZGUTV.

30. Andersen H. T., Møller-Jensen L., Engelstoft S. The End of Urbanization? Towards a New Urban Concept or Rethinking Urbanization. *European Planning Studies*, 2011: 19(4): 595–611. DOI: 10.1080/09654313.2011.548472.

31. Colloredo-Mansfeld R., Ordoñez A. et. al. Conflicts, Territories, and the Institutionalization of Post-Agrarian Economies on an Expanding Tourist Frontier in Quilotoa, Ecuador. *World Development*, 2018: 101: 441–452. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.11.001

32. Du Toit A. Post-Agrarian Biopolitics. *Development and Change*, 2017: 6(48): 1464–1477. DOI: 10.1111/dech.12350.

33. Duck L. A. Postsouthern and (Increasingly) Post-Agrarian. *Contemporary Literature*, 2006: 2(47): 299–303.

34. Halfacree K. Heterolocal Identities? Counter Urbanisation, Second Homes, and Rural Consumption in the Era of Mobilities. *Population, Space and Place,* 2012: 18(2): 209–224. DOI: 10.1002/psp.665.

35. Hisano S., Akitsu M., McGreevy S. R. Revitalising rurality under the neoliberal transformation of agriculture: Experiences of re-agrarianisation in Japan. *Journal of Rural Studies*, 2018: 61: 290–301. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.01.013.

36. Ioffe G., Nefedova T., Kirsten D. B. Land Abandonment in Russia. *Eurasian Geography and Economics*, 2012: 53: 4: 527–549. DOI: 10.2747/1539-7216.53.4.527.

37. Lyall A., Colloredo-Mansfeld R. The evolving force of community: peasant uprisings and post-agrarian aspirations in Ecuador. *The Journal of Peasant Studies*, 2024: 7: 51: 1606–1625. DOI: 10.1080/03066150.2024.2304799.

38. Miller J. W. A Post-Agrarian Regionalism for Appalachia. *Appalachian Heritage*: 2014: 2(8): 58–71. DOI: 10.1353/aph.1980.0060.

39. Monllor Rico N. Explorant la jove pagesia: camins, pràctiques i actituds en el marc d'un nou paradigma agrosocial. Estudi comparatiu entre el sud-oest de la província d'Ontario i les comarques gironines. Girona, Universitat de Girona, 2011: 440.

40. Monllor Rico N., Fuller A. M. Newcomers to farming: Towards a new rurality in Europe. *Documents d'Anàlisi Geogràfica*, 2016: 62: 3: 531–551. DOI: 10.5565/rev/dag.376.

41. Rinck J. Speculative Futures: Migration, Real Estate, and Post-Agrarian Imaginaries in Nepal. *American Anthropological Association*, 2022: 23. DOI: 10.48448/hvrk-v966.

42. Salamon S. From Hometown to Nontown: Rural Community Effects of Suburbanization. *Rural Sociology*, 2003: 1: 68: 1–24. DOI: 10.1111/j.1549-0831.2003.tb00126.x.

43. Nefedova T. G., Treivish A. I. Old-Developed Regions of Russia: The Main Evolutionary Outcomes. *Reg. Res. Rus.*, 2022: 12: 1: 218–225. DOI: 10.1134/S2079970522700411.

44. Sizykh A., Voronin V., Gritsenyuk A., Shekhovtsov A. Forests Formation on Post-Agrarian Territories of Tunka Depression (South-Western Pre-Baikal, Russia). *International Journal of Ecosystems and Ecology Science*, 2020: 2: 10: 409–420. DOI: 10.31407/ijees10.222.

45. Tobiasz-Lis P., Wójcik M. Tacit knowledge of places. Experiences from the post-agrarian countryside. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series,* 2024: 63: 8–16. DOI: 10.12775/bgss-2024-0001.

46. van der Ploeg J. D. The new peasantries: Struggles for autonomy and sustainability in an era of empire and globalization. London, Earthscan, 2009: 356.

47. Woods M. Rural. London, Routledge, 2011: 336.

The article was submitted on: October 25, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita E. Pokrovsky, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor at the Faculty of Social Sciences, Chair of the Department of General Sociology; Chief Researcher

Shilova A. Valentina, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher at the School of Sociology; Leading Researcher

Arsenii G. Buchatskii, Research Assistant at the School of Sociology and the International Laboratory for Social Integration Research